Пётр Кропоткин: судьба революционера

Вадим Дамье

2018

«Я думал, что раз *Мемуары* наладятся, я буду иметь неск[олько] свободного времени. Нет его! Напротив, работаю если не усиленнее, то непрерывнее, чем когда-либо. Каждый м[еся]ц надо поставить главу мемуаров, стр[аниц] 16 больших. Я пишу по-русски вполне; потом сокращенно по-английски, и это берет решительно всё время; настолько, что вот ничего не могу делать – так устал», – сообщал Петр Алексеевич Кропоткин 14 декабря 1898 г. в письме анархистке Марии Гольдсмит (Корн)[1].

Под «мемуарами», которые упоминал в письме 56-летний эмигрант-анархист, имелись в виду «Записки революционера» – та самая книга, которую держит сейчас в руках читатель. Кропоткин начал писать воспоминания не позднее осени 1897 г., когда уже готовы были первые главы: в них он рассказывал о своих детских годах. Американский журналист Уолтер Пэйдж убедил его продолжить работу. Текст печатался частями (по мере написания) в журнале «Атлантик мансли» с сентября 1898 г. по сентябрь 1899 г., а затем был опубликован в виде отдельного тома под заглавием «Мемуары революционера» в Бостоне и Лондоне. С английского воспоминания переводились на другие языки: в 1899 г. они были изданы по-испански в Барселоне, в 1900 г. – по-немецки в Германии (в переводе М. Паннвитца), в 1902 г. – по-французски во Франции (под названием «Вокруг одной жизни»; в переводе Франсиса Лёрэ и Альфреда Мартэна)… Первое русское издание увидело свет в Лондоне, в эмигрантском издательстве Фонда вольной русской прессы», в 1902 г. Перед Кропоткиным стоял выбор – передать для публикации первоначальный, более подробный русский текст, который предстояло еще дорабатывать, или дать согласие на перевод с английского языка. В конце концов, он остановился на втором варианте. Мемуары перевел лондонский корреспондент петербургской газеты «Русские ведомости» И.В. Шкловский, и в 1902 г. они вышли под названием «Записки революционера». В самой России книгу переиздали впервые в 1906 г. – в разгар Первой русской революции…

В советское время воспоминаниям Кропоткина повезло, пожалуй, больше, чем каким-либо иным его произведениям. С 1920-х гг. анархистские идеи в Советском Союзе находились под запретом, и главные теоретические работы самого известного

[1] Anarchistes en exil. Correspondance inédite de Pierre Kropotkine à Marie Goldsmith 1897–1917. Paris, 1995. P.84.

(наряду с М.А. Бакуниным) русского анархиста не переиздавались вплоть до Перестройки. Для «Записок революционера» было сделано исключение: их предпочитали воспринимать не как изложение анархистских взглядов, а как текст, имеющий чисто историческое значение. Ведь, в соответствии с господствовавшей идеологической теорией, революционеры-народники XIX столетия трактовались как своего рода ошибающиеся предшественники победоносных большевиков. Мемуары были доступны для читателя. Но и в этом случае о «везении» можно говорить лишь с большой «натяжкой»: если с 1917 г. по 1933 г. «Записки революционера» переиздавались 9 раз, а в 1933 г. был опубликован и русский текст рукописей Кропоткина, то следующее издание книги появилось только в 1966 году, причем с некоторыми изъятиями, которые, очевидно, имели идеологическую подоплеку. В 1988, 1990 и 2011 годах оно было переиздано…

«Записки революционера» – необычная книга. Она написана прекрасным языком, что ставит ее в один ряд с лучшими произведениями русской классической художественной литературы XIX века. И в то же самое время – это работа, в которой изложены революционные взгляды и идеалы, причем сделано это так легко, ненавязчиво и естественно, что читатель не воспринимает соответствующие пассажи как политический манифест или научный трактат. К тому же, жанр воспоминаний не случайно считается наиболее «личным» в литературе. «Записки» несут на себе неизгладимый отпечаток личности самого Кропоткина. «Автор автобиографии, лежащей теперь перед нами, не занят мыслями о своих талантах…, – замечал знаменитый датский критик и литературовед Георг Брандес, написавший предисловие к мемуарам. – В этой книге автор не любуется собственным изображением. Он не принадлежит к числу тех, которые охотно говорят о себе; когда он делает это, то неохотно и с некоторой робостью. Читатель не найдет здесь ни интимных признаний, ни сантиментальности, ни грубой откровенности». Кропоткин почти ничего не пишет о своей личной и семейной жизни. «Его больше интересует психология современников, чем его собственная», и он «охотнее рассказывает о своих современниках, чем о самом себе».

«Записки революционера», по мнению Брандеса, сравнимы с такими шедеврами, как «Поэзия и правда» Гёте, демонстрируя, «как сформировался замечательный ум», или «Исповедь» Блаженного Августина – ведь эта «книга является историей душевного кризиса, который соответствует тому, что некогда называлось «обращением»». Но всё же, в первую очередь, Кропоткин написал произведение о конкретном времени и обществе: «… рассказ о его жизни заключает историю России его эпохи, а также и историю рабочего движения в Европе за последние полвека. Когда он погружается в свой внутренний мир, мы видим, как весь внешний мир отражается в нем»[2]. Для того, чтобы добиться такого эффекта, нужно было быть такой замечательной личностью, каким был автор – Петр Алексеевич Кропоткин, выходец из самых «сливок» русской аристократии, бросившийся в самую пучину радикального революционного движения. По свидетельству народника Сергея Степняка-Кравчинского – с ним Петра Алексеевича связывала долгая дружба, – товарищи молодого аристократа по кружку «чайковцев» шутили, что «он имеет больше прав на российский престол, чем

[2] Г. Брандес. Предисловие // Кропоткин П.А. Записки революционера. Т.1. Спб., 1906. С.IX–X.

нынешние Романовы, которые, в сущности, чистокровные немцы»[3]. Кропоткина, потомка великих князей Смоленских из древнего рода Рюриковичей, могла ожидать безбедная жизнь и блестящая карьера. Тем не менее, он избрал для себя иную судьбу – полную риска, опасностей и самоотречения. Альтруизм и гуманизм, которые он сам считал основой эволюции природы и человечества, были, в первую очередь, мотивами его собственных поступков. Отзывы современников о личности Кропоткина удивительно единодушны. «Никто не был больше бескорыстен и больше его никто не любил человечество», – подчеркивал Брандес[4]. «Знакомясь с социалистическими доктринами и жизнью и характерами их творцов, мы находим в них поразительно сходные черты…, – вторил историк анархизма Макс Неттлау. – Кто трудился так неутомимо, как Кропоткин, и пользовался вознаграждением с такой неприхотливой умеренностью, как Кропоткин? Он был типом коммуниста-анархиста, о каком он сам мечтал»[5]. А американский анархист Александр Беркман, посетивший старого Кропоткина в 1920 году, записал в своем дневнике: «Печать идеалиста столь поразительно лежала на нем, что духовность его личности ощущалась почти физически»[6]…

Читая «Записки революционера», стоит постоянно помнить о том, что это всё же не сухая и чёткая автобиография Кропоткина, не его Curriculum Vitae, как принято сейчас выражаться. В каких-то случаях его подводит память. Так, очевидно, произошло при описании им эпизода на балу в честь Николая I, после которого понравившийся царю маленький Петя был записан кандидатом в Пажеский корпус. Кропоткин утверждал, что это событие случилось на восьмом году его жизни. В действительности, как показывает историк П.И. Талеров, изучивший неопубликованные воспоминания сестры Петра Алексеевича, Елены, и статьи, посвященные балу, оно состоялось 11 апреля 1849 года, когда Пете было шесть с небольшим лет, и был он в костюме, который представлял не Астраханскую, а Уфимскую губернию…[7] Ошибся Кропоткин и при описании маршрута, по которому его везли после ареста и допроса в Петропавловскую крепость в марте 1874 года (этот путь вряд ли мог вести через Дворцовый мост Петербурга). Путаным выглядит и описанный им маршрут побега в 1876 году…[8]

И, конечно же, далеко не все эпизоды своей бурной жизни, научной и революционной деятельности Кропоткин включил в свои «Записки», но лишь те, которые, по его мысли могли иметь значение для агитации и социальной борьбы. Это действительно не ностальгическое воспоминание о прожитых годах, но плод творчества социального активиста, *революционера*. Написанный Петром Алексеевичем текст должен был иметь, в первую очередь, политико-пропагандистское значение. Не случайно именно в «Записках революционера» наиболее кратко и емко сформулирован тот

---

[3] С. Степняк-Крвчинский. Подпольная Россия. М., 1980. С.70.

[4] Г. Брандес. Указ. соч. С.XVI.

[5] М. Неттлау. Очерки по истории анархических идей. Tucson, 1991. С.106.

[6] A. Berkman. The Bolshevist Myth (Diary 1920 – 1922). London; Winchester, 1989. P.74.

[7] П.И. Талеров. Автографы Петра Кропоткина в фондах Российской национальной библиотеки: археографические и источниковедческие аспекты // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений» к 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина (Материалы и исследования). Дмитров, 2012. С.185.

[8] П.И. Талеров. Идеалист чистой воды, полный мысли и огня. Рецензия на книгу В. Маркина «Кропоткин» // Клио. 2012. № 6[66]. С.136–137.

социальный идеал, к которому стремился Кропоткин и который он обосновывал в своих статьях и крупных работах: «… Среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество *равных* между собой. Члены его не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они будут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, – из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем, касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных учреждений, а с другой – снабжением продуктами питания, одеждой и т.п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительских общин с производительными союзами. И наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только страною. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою (…) Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, беспрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой развивающийся организм. Ни в каком правительстве не будет тогда представляться надобности…»

Эти строки Кропоткина не только дают представление о великолепном литературном языке, на котором написаны его произведения, и свидетельствуют о его удивительном умении просто и доходчиво говорить о сложных социальных, экономических и политических «материях». Красота общественного идеала призвана освещать романтическим светом и борьбу за его достижения. И полная испытаний, приключений, переживаний и пропитанная духом обретения свободы судьба одного, конкретного революционера – самого Кропоткина – должна была, по его замыслу, привлекать читателя к этому прекрасному и благородному делу: делу освобождения человечества и достижения всеобщей гармонии.

Неудивительно, что многие эпизоды книги читаются как самый настоящий авантюрно-приключенческий роман. И, в первую очередь, это относится, конечно же, к детективной истории побега Кропоткина из заключения в Петербурге летом 1876 года. Обстоятельства бегства Петра Алексеевича из арестантского отделения Николаевского военного госпиталя, куда он был помещен по состоянию здоровья, проведя до этого долгие месяцы в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения при Окружном суде, блестяще описаны им в «Записках революционера». Впрочем, историки предполагают, что и в этом случае автор воспоминаний постарался изложить историю своего освобождения в как можно более романтическом ключе, что соответствовало общему замыслу произведения. В

тексте книги побег предстает не только как плод точно разработанного плана, но и как результат почти авантюрной удачи – так сказать, с одобрения самой Судьбы. Однако, как отмечал историк П.И. Талеров, детально изучивший архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Российской национальной библиотеки, в том числе, документы официального расследования обстоятельств бегства арестанта, нельзя исключать и другие моменты, – те, которые сам Кропоткин не упоминает: то ли для того, чтобы отвести подозрения от тех, кто помогал побегу внутри самого госпиталя, то ли с тем, чтобы создать у властей представление о революционерах как о неорганизованных авантюристах. Историк утверждает, что среди самих охранников могли быть те, кто оказал побегу пассивное или даже активное содействие…[9]

Впрочем, не станем пересказывать «Записки революционера»: читатель имеет возможность прочитать эту замечательную книгу и ощутить кипение российской и европейской социально-политической жизни второй половины позапрошлого столетия. Кропоткин довел повествование в своих воспоминаниях до 1890-х годов. Но впереди у него был еще долгий путь: нелегкая судьба политэмигранта, активное научное и теоретическое творчество, помощь в становлении анархистского движения в России в начале XX века и, наконец, возвращение на родину в самый разгар Великой российской революции 1917–1921 гг. и попытки обрести в ней свое место. Все это, безусловно, заслуживает подробного рассказа.

Революционер в изгнании

После освобождения из заключения во Франции, Кропоткин в марте 1886 г. переехал в Лондон. Отныне и до далекого 1917 года Британии предстояло стать ему домом, который он покидал лишь ненадолго для лекционных туров в различных странах мира. Выбор этой страны объяснялся просто. Как вспоминала американская анархистка Эмма Гольдман, несколько раз встречавшаяся там с Кропоткиным, «Англия была гаванью для беженцев со всего света, которые беспрепятственно продолжали здесь трудиться на благо Дела. В сравнении со Штатами, политическая свобода Британии виделась едва ли не вторым пришествием»[10]. Здесь нашли себе убежище многие из виднейших анархистов и других революционеров со всего европейского континента.

Первоначально Петр Алексеевич и Софья Григорьевна остановились в Сент-Джонс-Вудсе вместе с других русским революционером-эмигрантом Степняком-Кравчинским, автором знаменитой книги «Подпольная Россия». Как он сам вспоминал, «я еще раз встретил моих старых друзей – Степняка и Чайковского. Социалистическое движение было теперь в полном разгаре, и жизнь в Лондоне больше не была для меня скучным, томительным прозябанием, как 4 года тому назад. Мы поселились в маленьком коттедже в Харро под Лондоном. Меблировка нас мало заботила. Значительную часть ее мы смастерили с Чайковским»[11]. Кропоткина привлекало соседство народника Николая Чайковского и наличие при коттедже участка земли, поскольку они с женой Софьей Григорьевной очень

[9] П.И. Талеров. Ещё раз о побеге князя Кропоткина // V Международные Кропоткинские чтения. Сборник докладов. Дмитров, 2016. С.39–58.

[10] Э. Гольдман. Проживая свою жизнь. Автобиография. Ч.1. М., 2015. С.202.

[11] См. «Записки революционера». Часть Вторая. Западная Европа. XV.

любили садоводство и огородничество. Первое лето в Лондоне было тяжелым: Софья Григорьевна болела тифом, к тому же пришла весть о самоубийстве брата Кропоткина – Александра.

Оказавшись в Англии, Кропоткин немедленно с головой ушел в политическую и пропагандистскую работу. Он сыграл важнейшую роль в создании анархо-коммунистической газеты «Фридом» и сам написал в октябре 1886 г. большинство статей для ее первого номера. Так было положено начало существованию знаменитого анархистского издательства «Фридом пресс», которое существует и по сей день. Кроме того, Кропоткин возобновил написание научных и научно-популярных статей для «Таймс» и «Нэйчур», а также активно выступал на рабочих и анархистских митингах по всей стране.

Упомянем лишь некоторые из них. 1 ноября 1890 г. Кропоткин выступал на митинге против преследования евреев в царской России в Майл-энде, вместе со Степняком-Кравчинским, Феликсом Волховским, дочерью Маркса Элеонорой и знаменитым писателем и художником Уильямом Моррисом. Стоит напомнить, что Моррис, близкий к кружку художников-прерафаэлитов, выступил с уникальной социальной критикой индустриально-капиталистического строя, как уродующего природу и человека и разрушающего человеческое творчество. 11 ноября 1891 г. Кропоткин был одним из выступавших на митинге в Этическом обществе в память чикагских анархистов, казненных в 1886 г. за участие в борьбе за 8-часовой рабочий день. Другими ораторами там были французская анархистка Луиза Мишель, участница Парижской Коммуны 1871 года, и знаменитый итальянский революционер Эррико Малатеста, один из прославленных «cavalieri erranti» – «странствующих рыцарей» анархизма. 7 февраля 1896 г. Кропоткин выступил в Институте рабочей молодежи. Особенно крупным мероприятием с его участием стал марш из Майл-энда и митинг в Гайд-парке 21 июня 1903 г. против Кишиневского погрома евреев в России. На нем собрались 25 тысяч человек. Кропоткин, подъехавший с опозданием, был на руках пронесен через толпу и произнес речь по-русски и по-английски, несмотря на болезнь. В последующем лечащий врач запретил Кропоткину выступать на публичных митингах, тем не менее, революционер принял участие в церемонии открытия и пятничных лекциях в Лондонском рабочем клубе, созданном в феврале 1906 г.

Лекционные и агитационные туры Кропоткина проходили и в других странах. Например, в 1898 г. он посетил с лекциями США, а в 1901 г. – Канаду и США. Эти выступления были посвящены таким темам, как русская история и литература, роль фактора взаимопомощи в эволюции природы и общества. На лекции собиралось до 2400 человек . Собранные на них деньги помогли возродить журнал «Солидарити» и вдохнуть новую жизнь в американское анархистское движение.

Однако, несмотря на эту деятельность и уважение, которое испытывали к нему в Британии, Кропоткин полагал, что в ближайшем будущем социальная революция в Англии невозможна. Требования, которые выдвигались британскими трудящимися, считал он, не дотягивают до социалистического уровня, а потому рабочие будут готовы удовлетвориться небольшими уступками. В России же после разгрома революционного движения 1880-х годов наступил долгий период спада. Поэтому на рубеже столетий Кропоткин постепенно перешел от активной пропагандистской и лекционной работы к научно-интеллектуальной. Его изысканиям в огромной

степени помогали богатые библиотеки и музеи британской столицы. Именно в Лондоне он написал и издал свои важнейшие работы, в которых изложено существо его теории анархизма. Среди них «Хлеб и воля», изданная впервые в 1892 г. В этой книге Кропоткин ясно и четко изложил не только основные элементы анархистской критики государства и капитализма, но и важнейшие черты того общества всеобщего самоуправления, к которому стремятся анархисты. Он представил его в виде свободной федерации самоуправляющихся коммун, граждане которых сообща и солидарно решают все основные вопросы общественной и экономической жизни и вместе, на равных пользуются материальными и духовными благами. Развитию анархистской теории были посвящены его книги «Государство и его роль в истории» и «Анархия, ее философия и идеал» (1896 г.). Представления о хозяйственном устройстве будущего свободного общества и развитии свободного универсального образования Кропоткин углубил в вышедшей в 1899 г. работе «Поля, фабрики и мастерские». Знаменитый труд «Взаимная помощь в природе и обществе» (1902 г.) явилась важнейшим вкладом не только в историческую науку, но и в биологию. В этой книге Кропоткин подверг уничтожающей критике социал-дарвинистское представление о конкуренции, борьбе и взаимном уничтожении как основе выживания животных и людей. Блестящим социальным историком проявил себя Петр Алексеевич в ставшей классической книге «Великая Французская революция» (1909 г.). Здесь же, в Лондоне, Кропоткин начал свои исследования в области этики («Нравственные идеалы анархизма», 1909 г.), которая, в его представлении, в своем высшем развитии совпадает с идеалами коммунистического анархизма. Часть этих работ была написана специально, другие представляли собой объединенные и переработанные статьи, подготовленные для научных и популярных изданий, включая журнал «19 век», где он стал научным обозревателем, и Британскую энциклопедию.

Кропоткин поставил перед собой поистине титаническую задачу: в противовес всем господствующим идейно-философским и политическим системам, а также марксизму возвести теоретическое здание «научного анархизма», опираясь на свои энциклопедические познания во многих сферах естественного и гуманитарного знания. Цель, которую он перед собой ставил, предполагала ни много ни мало как обнаружение анархического начала в природе с тем, чтобы обосновать «естественность» анархо-коммунистического устройства общества.

Как и многие ученые XIX – XX веков, Кропоткин считал себя позитивистом, то есть стремился выстроить единую и все объясняющую научную картину мира. Однако если «обычные» позитивисты были склонны переносить на развитие человеческого общества действие закономерностей, которым подчинялось существование мира живой и неживой природы, то Кропоткин поступал наоборот. Он пытался распространить на природу (в том числе, неживую) социальные принципы гармонии и свободного соглашения. Петр Алексеевич утверждал, что любое живое существо – это скорее соединение миллионов отдельных элементов, чем единая и нераздельная особь, и вел речь о «федерации» органов, тесно взаимосвязанных, но, тем не менее, живущих каждый своей особой жизнью. Каждый индивидуум, по его мнению, представляет собой целый мир органов, каждый орган – целый мир клеток, каждая клетка – мир бесконечно малых элементов, формирующихся под воздействием окружающей среды и приспосабливающихся к ней. Более того. Кропоткин

пришел к выводу, что то, что именуется в науке «законами», само по себе есть не предустановление, предшествующее явлению или организму, а конкретный результат взаимоотношений и соотношений между различными явлениями и элементами данного явления или организма, состояние временного равновесия, изменяющееся вместе с изменением окружающей среды. Конечно, современный читатель вряд ли сможет согласиться с тем, что Кропоткин использовал при описании взаимодействия различных частиц, элементов, органов, планет, сил и т.д. – то есть явлений, лишенных сознания – такие термины, как «федерация», предполагающие, в нашем понимании, наличие осознанной воли и возможностей осознанной договоренности, разумного соглашения. Тем не менее, этот момент, порожденный чрезмерной увлеченностью Кропоткина и его стремлением «очеловечить» природу, не должен заслонять от нас самое существенное: мыслителя-анархиста можно, фактически, по праву считать основоположником взгляда, в соответствии с которым живой организм представляет собой результат взаимодействия и взаиморазвития составляющих его компонентов, который, в свою очередь – как целое и в своих отдельных, взаимодействующих частях – находится под воздействием окружающей среды. Форма его существование определяется достигнутым в каждый данный момент равновесием всех этих сил и элементов и изменяется, эволюционирует по мере изменения этого равновесия, заново адаптируясь к его условиям.

Из такого понимания природы Кропоткин выводил и представления о факторах развития живых организмов. Если главенствующую роль в обретении ими формы играет адаптация к окружающей среде, то каковы же оптимальные способы обретения гармонии с ней? Вопреки «неодарвинистам», которые провозглашали, что приспособление к внешним условиям осуществляется путем конкуренция и уничтожения более слабых организмов, Петр Алексеевич настаивал на том, что выживанию и развитию живых существ способствует, в первую очередь, взаимопомощь, «сотрудничество», доходящее в своей наиболее высокой форме до альтруизма. В этом эволюционном механизме он усматривал и зародыш этики, ее естественные, природные начала, получающие затем осознанный вид в человеческом обществе. Общественные виды животных имеют больше возможностей для выживания, чем необщественные; «общество не было выдумано человеком, оно существовало раньше появления человекоподобных существ» . Совершенно иначе, по мнению Кропоткина, обстояло дело с государством: оно не имело «естественного» происхождения, но было порождено эгоистическими социальными интересами жрецов, вождей и других лиц и слоев, сосредоточивших в своих руках власть, привилегии и собственность.

Вся история человечества, как ее понимал Кропоткин, представала как противостояние двух начал: господства, конкуренции, иерархии, авторитаризма и принуждения, с одной стороны, и гармонии, взаимопомощи, солидарности, равенства, самоорганизации и свободной договоренности, с другой. Первое из этих начал, воплощаясь, в частности, в институтах власти и собственности, в конечном счете, оказывалось «противоестественным» и несло гибель человечеству, его унаследованным еще от природы склонностям к взаимопомощи и солидарности. Государство, «развиваясь в течение всей истории человеческих обществ, служило для того, чтобы мешать всякому прямому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почина и личной предприимчивости, душить уже существующие вольности

и мешать возникновению новых. И все это – чтобы подчинить народные массы ничтожному меньшинству»[12]. Мыслитель-анархист видел в государстве не только аппарат приказания, насилия и принудительной координации человеческих действия, но и механизм принятия общественных решений «сверху», систему своего рода колонизации общества правящим аппаратом, принцип «авторитета».

Но наряду с этим началом, в человеческом сообществе продолжало существовать и иное начало. Оно соответствовало глубинным (хотя и подавляемым властью и отношениями конкуренции) интенциям человека. Кропоткин полагал, что развитие человечества ведет к распространению и конечному торжеству этических «идей-сил» солидарности, воплощением которых служил его социальный идеал – общество анархистского коммунизма. В своих трудах он пытался проследить, как солидарность и взаимопомощь проявлялись и утверждались на протяжении человеческой истории, в самых разных культурах и цивилизациях, в форме самоорганизации «снизу» – в родах и племенах, в древних полисах, средневековых общинах и вольных городах, в гражданских ассоциациях, клубах, неправительственных объединениях и рабочих профсоюзах… Этические чувства, полагал Кропоткин, постепенно распространялись: если первоначально, в древнейшие времена человек готов был проявлять солидарность лишь по отношению к членам своего рода или племени, то теперь она выходит за пределы семей, стран и народов и распространяется на все человечество.

Власть, которая, по определению, враждебна всякой самоорганизации снизу и не терпит никакого «государства в государства» постоянно стремится ограничить, урезать или разрушить формы низового народного самоуправления, утверждал Кропоткин. Отсюда он выводил необходимость социальной революции. Она призвана была не столько создать нечто принципиально новое, сколько смести искусственные преграды на пути к гармоничному и естественному устройству жизни. Так река прорывает заграждение, препятствующее ее свободному течению. Революция была для Кропоткина не актом захвата политической власти, а устранением государства самоорганизованным обществом: жителям предстояло взять в свои руки управление своими домами, кварталами и населенными пунктами, а работникам и служащим – управление своими предприятиями и службами…

Хотя, подобно большинству современных ему мыслителей, Кропоткин возлагал большие надежды на общественный прогресс, на развитие науки и техники, он отвергал традиционное позитивистское представление о «линейном» прогрессе в жизни социума. Развитие в одних областях и сферах в условиях несправедливого, иерархического общества, в представлении Кропоткина, сочеталось с регрессом и упадком в других, с дегуманизацией и отчуждением человеческой личности, распадом социальных связей.

В отличие от марксистов, которые считали, что смена Средневековья и феодализма капитализмом и индустриальной системой – это закономерное, поступательное и прогрессивное развитие вперед, мыслитель-анархист полагал, что этот процесс стал лишь одним из альтернативных вариантов в истории, причем не самым лучшим из возможных. То, что человечество пошло по пути централизации политической власти, создания абсолютистских централизованных государств вместо того, чтобы

[12] Там же. С.448.

продолжать наметившуюся в Средние века традицию общинного и городского самоуправления, Кропоткин воспринимал как явный регресс, в котором таилась угроза разрушения самой человеческой личности. Он считал капитализм реакционным строем, обществом, основанном на эгоизме, конкуренции, разрушении социальных начал взаимопомощи и солидарности. Технический прогресс не был для него самоценностью. Неудивительно, что Кропоткин не понимал технику как нечто «нейтральное» в том, что касается социальных последствий ее применения. Отсюда вытекала критика им «современной фабричной системы» (то есть индустриальной системы организации производства и разделения труда): деквалификации работников, утраты ими ремесленных навыков и формирования нового типа работника, который знаком лишь с узким набором операций и действий и не в состоянии понимать смысл и цель производственного процесса в целом. Трагизм такого положения, по мнению Кропоткина, состоял не только в господстве техники над «тупеющим» человеком, но и в том, что узкоспециализированный работник не склонен ставить вопрос о смысле и цели производства в целом, а следовательно – не склонен и стремиться к контролю над ним и к производственному самоуправлению.

В качестве альтернативы разрушительным, с его точки зрения, тенденциям современной формы организации общества Кропоткин предлагал социальную модель, основанную на том, что мы в наше время могли бы назвать гуманизацией, экологизацией, хозяйственной диверсификацией, преодолением односторонности и зависимости отдельных региональных и страновых экономических комплексов. Характерно, что он видел в своей эпохе не только разрушительные проявления, но и растущие, как ему казалось, тенденции к их преодолению – к самоорганизации, самоуправлению и децентрализации человеческих сообществ и освобождению личности человека. В этом, по его мнению, людям могли помочь и новые технологические открытия, если их можно было применить в соответствии с «человеческим масштабом», в виде небольших, гибких и соразмерных форм. Во многих своих работах он старался подчеркнуть значение новых начал: внегосударственные ассоциации и объединения взаимопомощи и самопомощи, неправительственные и волонтерские общественные организации, бесплатность тех или иных услуг, производственное самообеспечение, – во всем этом ему виделись естественно пробивавшиеся ростки свободной жизни, которые удушались ненавистными ему государством и капиталистическим эгоизмом. Именно их беспрепятственному развертыванию, торжеству этических начал в жизни и должна была, по его мысли, открыть дорогу революция.

Преобразование, предложенное Кропоткиным, должно было стать всесторонним. Человеческое общество подлежало, в его представлении, радикальной децентрализации. Основу новой жизни предстояло составить автономным самоуправляемым территориальным общинам (вольным коммунам) и самоорганизованным союзам различного рода (от экономических до культурных и досуговых), которые получали возможность добровольно соединяться в федерации, сети и объединения. Само единство общества в этой ситуации неизбежно ставилось бы в зависимость от участия человека во множестве различных сетей. Социально-экономическому устройству общества предстояло приобрести очертания, близкие сетевому, освободившись от четкой привязки к территории и превратившись в экстерриториальные, параллельно существующие организации по симпатиям и интересам.

Члены «низовых» сообществ должны были принимать все основные решения во всех областях и сферах на общих собраниях, самостоятельно разбираясь со всеми проблемами, с которыми они могли справиться своими собственными силами. Для координации усилий и совместных действий, требующих участия различных общин и союзов Кропоткин считал необходимым созыв съездов и конференций делегатов от таких низовых социальных единиц. Эти делегаты, по его мысли, не имели права принимать решения самовольно, но обязаны были следовать обязательному наказу, который давался им избравшими их общинами и союзами. Деловая направленность мероприятия, привязанная к конкретным проблемам производства, потребления, культуры, науки и других сфер жизни, по мнению Кропоткина, призвана была обеспечить быстрое принятие и согласование решений, без всякой нужды в государстве и профессиональных управленцах.

На таких же принципах, по мысли Кропоткина, следовало организовать и экономическую структуру будущего свободного общества. Он писал – если употреблять современную нам терминологию – о необходимости децентрализации производства и системы управления, развития малых гибких технологий в индустрии и малых форм организации труда, преодолении жесткого разделения труда, о развитии сферы услуг, сопряженном с повышением роли технологического фактора, науки и образования, развитии сетевой структуры экономических, политических и общественных связей. Кропоткин ставил под сомнение тезис о том, что создание крупной промышленности является непременным условием социального прогресса. Анархист доказывал жизнеспособность мелкого производства даже в условиях индустриального общества, его способность перенимать технические новшества и достижения. Малые формы производства, полагал Кропоткин, способствуют развитию у работника интеллектуальных способностей, «изобретательности» и рационализаторства, художественного вкуса, а в итоге – формированию навыков интеграции интеллектуального и физического труда, возвращению к ремесленному пониманию целостности производственного процесса на основе современных технологий. Развитие мелких форм организации производства в кооперативных и общинных формах, как считал он, позволило бы возродить ремесленные и творческие навыки, утраченные при индустриальной системе, и сделать шаг к преодолению отчуждения, приближению производства к потребителю и восстановлению контроля производителя над своим трудом. Вслед за писателем Уильямом Моррисом, Кропоткин поддерживал идею внедрения в современное производство техники средневекового ремесленного мастерства, а также – интеграции искусства в производственный процесс и быт человека труда. Однако он не предлагал просто «вернуться назад», в доиндустриальный мир. Условием развития малых форм производства, по Кропоткину, должны были стать современные методы интеграции труда (промышленного и сельскохозяйственного, физического и интеллектуального, творческого и производительного, исполнительского и управленческого), самоуправление и самоорганизация производственных единиц, а также – внедрение новейших изобретений, развитие наукоемких отраслей в промышленности и сельском хозяйстве. Он не предполагал полностью отказаться от крупных форм организации производства в тех отраслях и сферах, где они совершенно необходимы.

Изменение формы организации производства должно было, по мысли Кропоткина, сделать возможным преодоление индустриального типа разделения труда и

более рациональным перераспределение труда в обществе. Он предполагал, что с помощью интеграции среднего и профессионального, гуманитарного и технического образования удастся подготовить всесторонне способного и развитого индивида, способного освоить самые различные занятия и роды деятельности, преодолевая навязываемую современным обществом узкую специализацию. Результатом перераспределения труда в обществе и внедрения новых технологий должно было стать общее сокращение рабочего времени до 4–5 часов в день.

Далее, Кропоткин предлагал осуществить широкую диверсификацию производства на основе соединения различных его форм и отраслей, общей децентрализации и разукрупнения. Он выдвинул идею максимально возможного регионального самообеспечения на основе интеграции промышленного и земледельческого труда, диверсификации регионального хозяйства. Речь, разумеется, шла не о создании мелких, полностью замкнутых общин и не об абсолютной автаркии. Преобразования предполагалось начать на уровне региона, обладающего промышленным и сельскохозяйственным потенциалом. Такая самоуправляющаяся область не могла бы, как считал Кропоткин, полностью производить все необходимое и стала бы в этих случаях вступать в отношения с другими регионами и федерациями, координируя с ними свою деятельность «снизу», через систему двойной федерации, то есть на основе суммирования потребностей и статистического учета. При этом допускалось расширение импорта изделий, не производимых на месте, обмен которых является необходимостью. Предполагалось расширить и обмен в области изобретений, искусства и науки.

Таким образом, на место специализированного и централизованного производства встало бы максимально возможное региональное самообеспечение на основе интеграции труда и диверсификации хозяйства. Модель новой индустрии и сельского хозяйства, по Кропоткину, представляла бы собой сеть автономных диверсифицированных производственных комплексов, ориентированных в первую очередь на самообеспечение предприятия, затем – на удовлетворение потребностей населения конкретного региона, затем – других регионов и лишь в последнюю очередь – на экспорт.

Предлагаемая Кропоткиным система экономических отношений была далека как от рыночной системы, так и от модели централизованного планирования из Центра. Это было своего рода децентрализованное планирование, основанное на прямой демократии и системе «заказов», поступающих снизу, непосредственно от потребителей. Анархист полагал, что ни рынок, ни административно-бюрократическое управление не позволяют переориентировать производство непосредственно на удовлетворение нужд конкретных потребителей, сэкономить человеческие силы и ресурсы. В центре его интересов оказывались методы и способы выявления потребностей и потребительских нужд, которые затем и должны были, по его мысли, ориентировать развитие производства. По существу, Кропоткин предвосхитил соответствующие представления, сложившиеся в конце XX века в рамках концепций «альтернативной экономики».

Легко увидеть, что Кропоткин отстаивал, по существу, выход за пределы индустриальной цивилизации, преодоление индустриальной логики. В этом смысле его вполне допустимо считать одним из первых теоретиков постиндустриализма.

Несмотря на то, что на рубеже столетий Кропоткин временно отошел от активной политической деятельности, он продолжал восприниматься в анархистских кругах как неколебимый авторитет. Он становится фактически ведущим теоретиком анархистского коммунизма. Как вспоминал историк анархизма Неттлау, одним идеи Кропоткина представлялись «не подлежащими сомнению истинами», другие не решались спорить с ним, чтобы «не ослабить огромное влияние, какое оказывали личность, талант и преданность его своему делу»[13]. К Кропоткину нередко обращались при разрешении споров в революционном движении. Уважение к нему распространялось далеко за пределы анархистской среды и даже за пределы Европы и Америки. Так, специально приезжали в Лондон повидаться с ним такие мыслители Востока, как знаменитый философ Веданты и йог Свами Вивекананда и видный цейлонский реформатор буддизма Анагарика Дхармапала.

Весьма широкими были контакты Кропоткина в научной и художественной среде. Он продолжал поддерживать тесные связи с жившим в Бельгии французским анархистом и великим географом Элизе Реклю, с которым вместе в 1870-х и 1880-х гг. в Швейцарии работал над «Всемирной географией». Именно Реклю написал предисловие к первому французскому изданию «Хлеба и воли», начав его так: «Петр Кропоткин просит меня написать несколько слов предисловия к его книге, и я исполню его желание, хотя и чувствую при этом некоторую неловкость. Я ничего не могу прибавить к его связным доводам и тем самым рискую ослабить силу его слов. Но дружба пусть послужит мне извинением»[14]. Тесно общался Петр Алексеевич с британскими географами и естествоиспытателями. Географ Джон Скотт Келти привлек его к сотрудничеству в журнале «Нэйчур», и их связывала тесная дружба. Кропоткин заручился поддержкой географов Патрика Геддеса и Джеймса Гейки в организации помощи проекту по картографии Шотландии. Кропоткин, как и Реклю, принял участие в работе Летней школы, которую Геддес организовал в Эдинбурге.

Кропоткин пользовался авторитетом и уважением и в британских литературных кругах. Он переписывался с Бернардом Шоу, который в 1912 г. выступил на многолюдном собрании в Лондоне по случаю 70-летия Петра Алексеевича. Среди сказанного им были и такие слова: «Много лет назад я вместе со своими друзьями вздумал коечему поучить Кропоткина, так как мы не были согласны с его теориями. Но прошли годы, и теперь я не уверен, что мы были правы, а Кропоткин ошибался»[15]. Среди подписавших юбилейный адрес Кропоткину были также Честертон, Гербер Уэллс и другие деятели культуры. Но, разумеется, интерес к Кропоткину не ограничивался культурной средой одной лишь Англии. Напомним, что предисловие к «Запискам революционера» написал знаменитый датский литератор Георг Брандес…

С лета 1894 г. Кропоткин с женой жили в южном лондонском пригороде Бромли. где было спокойнее и тоже имелся обширный сад. Этот дом широко открыл свои двери анархистам-эмигрантам и британским социалистам. Американская анархистка Эм-

[13] М. Неттлау. Указ.соч. С.125.

[14] Э. Реклю. Предисловие к первому французскому изданию [«Хлеба и воли»] // П.А. Кропоткин. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С.21.

[15] Цит. по: В.А. Маркин. Неизвестный Кропоткин. М., 2002. С.114.

ма Гольдман вспоминала о своем посещении этого дома во время приезда в Англию: «Я очень волновалась по дороге в Бромли, где жили Кропоткины: мне казалось, что Пётр слишком поглощен высокими материями и сблизиться с ним будет непросто. В обществе Кропоткина я расслабилась уже в первые 5 минут… Пётр принимал меня с таким радушием, что я почувствовала себя как дома. Он сразу поставил завариваться чай и пригласил в свою столярную мастерскую – взглянуть на вещи, сделанные им собственноручно… Вещи были очень простые, но он ценил их больше прочих: они олицетворяли труд, а он всегда ратовал за совмещение умственной активности с физическим трудом. И вот он личным примером демонстрировал, как гармонично можно сочетать их. Ни один ремесленник не смотрел с такой любовью и глубоким уважением на свою работу, как учёный и философ Пётр Кропоткин. Его гордость за продукты личного труда олицетворяла и горячую веру в массы, их способность менять жизнь по своему усмотрению… Встреча с Кропоткиным убедила меня, что подлинное величие всегда идёт рука об руку с простотой. Пётр воплощал в себе обе черты: светлый и гениальный ум сочетался в нем в доброй душой»[16].

Твердость и верность убеждениям Кропоткина не мешала ему оставаться человеком добродушным и дружелюбным. Та же Эмма Гольдман рассказывала об одном из их споров, во время которого, как она писала, «мы с Петром расхаживали по комнате с нарастающим возбуждением, упорно отстаивая каждый свою точку зрения». «Мы оба перевозбудились, и наши голоса, должно быть, звучали так, будто мы ругаемся. Софья, которая тихо шила платье для дочки, несколько раз пыталась направить наш разговор в более спокойное русло, но все было напрасно». Однако достаточно было Эмме пошутить, как обстановка мигом разрядилась. «Пётр остановился как вкопанный, довольная улыбка осветила его доброе лицо. «Забавно, я об этом не думал, – ответил он. – Возможно, в конечном счете, ты и права». Он расплылся в лучезарной улыбке, а в глазах засверкали шутливые искорки»[17]…

Жизнь в Бромли была нелегкой. Денег в доме никогда не водилось. Когда Степняк-Кравчинский приехал в Бромли, деньги на обратный билет для него Софье Григорьевне пришлось просить у соседей. И, тем не менее, Кропоткины постоянно оказывали материальную поддержку самым разным анархистским изданиям, и, например, только благодаря этому, удалось продолжать издание американской анархистской газеты «Арбетер фрайнд».

Один из самых волнующих эпизодов у дома в Бромли произошел в январе 1905 г., когда до Британии докатились новости о «Кровавом воскресенье» – расстреле рабочей демонстрации, шедшей в Петербурге к царскому дворцу, чтобы вручить монарху петицию. Коттедж осадили репортеры, добивавшиеся интервью у Кропоткина. Петр Алексеевич болел и не мог выйти из дома. Он прислал журналистам наружу записку с текстом «Долой Романовых!»

Начало Первой русской революции вдохнуло в Кропоткина новые силы. Несмотря на проблемы со здоровьем, он активно включился в революционную работу. В Лондон стали приезжать новые эмигранты из России. оседавшие преимущественно в районе Ист-Энд, и колония российских эмигрантов в Лондоне стала не только самой

[16] Э. Гольдман. Указ. соч. С.206–207.
[17] Там же. С.304.

большой группой российских эмигрантов в Европе, но и самой крупной анархистской группой в Британии. Стали возникать и анархистские группы в самой России; им требовалась помощь. В декабре 1904 г. в Лондоне был созван съезд анархо-коммунистов, в котором приняли участие Кропоткин, живший в Лондоне его друг, грузинский анархист Варлам Черкезов, члены женевской эмигрантской группы «Хлеб и воля» во главе с Георгием Гогелия и Лидией Иконниковой, делегат от екатеринославских анархистов Овсей Таратута и зарубежные гости, включая Неттлау и Малатесту. Обсуждался вопрос о координации деятельности и тактике анархистов в России. В годы революции кропоткинское («хлебовольческое») крыло было наиболее мощным среди анархистских течений в России. Оно выступало за то, чтобы в ходе революции трудящиеся массы выступали не за установление конституционного и парламентского строя, а за социальную революцию. В ходе борьбы, считали «хлебовольцы», народу предстоит захватить в свои руки предприятия, землю и управление городами и деревнями и установить снизу вольный строй анархического коммунизма. Этот курс был подтвержден на съезде русских анархо-коммунистов в Лондоне в сентябре 1906 г., в котором также активно участвовали Кропоткин и его жена. Среди других делегатов второго лондонского съезда были анархо-синдикалисты Александр Шапиро и Яков Новомирский, «хлебоволец» Владимир Фёдоров-Забрежнев, Мария Корн-Гольдсмит, которая также всю жизнь дружила и переписывалась с Кропоткиным, и другие. Сам Петр Алексеевич написал к съезду доклады «Революция политическая и экономическая», «Наше отношение к крестьянским и рабочим союзам». В них намечалась роль анархистов в русской революции и ставился вопрос о поддержке самоорганизации трудящихся на принципах прямого действия, то есть непосредственного отстаивания людьми своих интересов, не передоверяя этого дела никаким представителям в парламенте, никаким партиям и бюрократическим структурам. По решению съезда было при помощи и поддержке Кропоткина начато издание печатного органа «Листки Хлеба и воли». Оно продолжалось около года и помогло укрепить контакты между российскими анархистскими группами. Издание печаталось в лондонском районе Степни, в здании «Дунстан хаус», где размещалась штаб-квартира анархистов, говорящих на еврейском языке идиш и где жил лидер этой группы, немецкий анархист-эмигрант Рудольф Роккер. Именно в этом доме произошла в конце 1905 г. встреча Кропоткина с матросом Афанасием Матюшенко, одним из лидеров знаменитого восстания на броненосце «Потемкин». «Я жил тогда в «Дунстан хаус», где размещалась также типография руководимого Кропоткиным журнала «Листки Хлеба и воли», – вспоминал Роккер. – Я был дружен с наборщиком журнала, и поскольку Матюшенко частенько навещал его, оба часто заходили ко мне, выпить чашечку чаю»[18].

Лондонская группа собирала средства на революционную работу и отправляла их в Россию. Кропоткины организовывали и помощь ссыльным революционерам. Осенью 1906 г. они познакомились с приехавшей в Англию Надей Лебуржуа. Петр Алексеевич предложил ей стать курьером между Британией и Россией для передачи помощи сосланным в Сибирь. Надя согласилась, и до своего ареста в 1911 г. совершала такие

[18] R. Rocker. Aus den Memoiren eines deutschen Anarchisten. Frankfurt a.M., 1974. S.226.

поездки практически каждое лето. После освобождения из тюрьмы она возобновила эту деятельность и занималась ею до самого 1917 года.

В отличие от некоторых других анархистов в России, Кропоткин был сторонником не индивидуальных покушений и изолированных бунтов, но массовой народной революции, в которой анархистам, по его мысли, надлежало сыграть роль застрельщиков. Он был убежден, что события 1905 года стали «великой революцией», сравнимой по масштабам и значению с Великой Французской революцией 18 века. Речь идет не о простой смене администрации, а именно о социальной революции, изменяющей также и экономические отношения. «Вместе со всем русским народом мы боремся против самодержавия; – писал Кропоткин, – но мы обязаны, вместе с тем, работать, чтобы расширить борьбу и направить ее одновременно против капитала и против государства». Он призывал добиваться общественных изменений не через органы парламентского представительства и принимаемые ими законы, а «снизу». Если крестьяне в ходе прямых выступлений захватят землю и обратят ее в общинное владение, а рабочие займут предприятия и поставят их под свое управление, то это позволит затем «найти новые пути, создать новые формы народного политического союза, которые положили бы начало вольной, безгосударственной, федеративной жизни»[19]. Кропоткин с неодобрением относился к переворотам и покушениям, совершаемым небольшими группами заговорщиков, оторванных от народной массы. Редкие и случайные убийства или грабежи, настаивал он, произведут куда меньшее воздействие на существующий порядок вещей, чем широкое движение, цель которого – не алчное перераспределение богатств и власти от одной группы к другой, но полное уничтожение институтов собственности и государственной власти. В то же время, Петр Алексеевич оправдывал акты насилия, когда они совершались массами и революционерами, которые защищались от полицейского насилия, погромов и черносотенного террора. Друзья и соратники Кропоткина Мария Корн и Георгий Гогелия были среди первых в России сторонников синдикализма, то есть революционного профсоюзного движения, независимого от политических партий, предпринимате6лей и власть имущих. Секретарь Кропоткина Александр Шапиро, которого сам он называл Сашей, принял участие в 1907 г. в международном анархистском конгрессе в Амстердаме.

Интересно, что позиция Кропоткина казалась недостаточно радикальная некоторым молодым горячим головам, поклонникам индивидуального террора. Британский историк Уильям Фишман утверждал даже, что в 1909 г. группа революционеров-эмигрантов из России намеревалась совершить покушение на Кропоткина, считая его наносящим ущерб анархистскому движению, и только Роккеру удалось отговорить их[20].

В последующие лондонские годы Кропоткин все чаще болел, а реакция в России после подавленной революции не улучшала его настроения. «А я пишу в постели. Не везет мне этот год, вот уже с марта, – писал Петр Алексеевич Марии Корн в сентябре 1911 г. – Опять вступил в период, который у меня был одно время: усиленная работа

[19] П.А. Кропоткин. Революция политическая и экономическая // Анархисты. Документы и материалы. Т.1. 1883–1916. М., 1998. С.230, 235.

[20] W.J. Fishman. East End Jewish Radicals, 1875–1914. London, 1975. P.272.

– болезнь, усиленная работа – болезнь». «… Специалист, запретивший мне зимовать в Англии, теперь позволил, но не в Лондоне. Хотим попробовать Брайтон. Взяли домик для нас двоих. Близко к морю. Солнца в Брайтоне много»[21]. Джордж Вудкок и Иван Авакумович, авторы биографии Кропоткина, называют этот брайтонский дом выглядящим «как печальный конец активной жизни»[22]. Тем не менее, больной революционер продолжает работать. Он по-прежнему много пишет, живо интересуется событиями в России и в мире, социалистическим и рабочим движением в Британии.

Кропоткин по-прежнему уделяет много времени информированию британской общественности о репрессиях в царской России. В 1909 г., в сотрудничестве с британским парламентским комитетом по русским делам, он подготовил специальный доклад «Террор в России», который оказал большое влияние на настроения в стране.

«Я много думал все это время о том, что нужно в данную минуту для анархистов в России…, – пишет он в письме русским анархистам в Париже в октябре 1911 г. – И я глубоко убежден, что теперь прежде всего нужно, чтобы нашлось несколько товарищей, способных, не поступаясь ничем в революционности своей анархической программы, высказать продуманное, пережитое ими, а потому вполне искреннее, определенное отрицание якобинских приемов, принимавшихся до сих пор в России за анархию, а именно: 1) отрицание экспроприаторства как средства приобретения денег для революционной работы и 2) безусловное отрицание богровщины как средства борьбы с реакцией». Под богровщиной Кропоткин имел в виду тактику индивидуального террора; в 1911 г. Богров убил премьер-министра Столыпина, который возглавлял подавление революции в России.

«Затем, – продолжал Кропоткин в том же письме, – необходимо, я думаю, также отрицание единичности, «распыленности», возведенных в теорию, как средства «поднятия масс» единоличными актами. Нужно сознание того, что сознают рабочие всего мира, – что если единичные акты в период застоя являлись средствами заставить задуматься людей, то в период революционный необходимы групповые и массовые выступления крестьян и рабочих. А для этого нужна сплоченность и хотя бы некоторое доверие масс к истолкователям революционных идеалов, увы, окончательно подорванное за последние годы».

«Если анархисты не воспользуются немногими годами, которые пройдут до следующих народных движений, для создания ядра, как бы мало оно ни было, из людей, чьим советам рабочие и крестьяне могли бы… безусловно доверять…, если среди нас нет людей, понимающих необходимость этого дела, – предупреждал старый революционер, – то незачем и основывать журналы и брать на себя роль истолкователей революционного дела»[23].

В марте 1912 г. в Лондоне прошел большой митинг протеста против расстрела бастовавших рабочих на реке Лена. «Хотел ехать, да простудился. Вот уже неделю кашель, лихорадит!…, – писал он Марии Корн. – До того отчаянно скверно в России – просто руки опускаются». В том же письме он сообщал, что группа англичан обратилась к нему с предложением открыть английский комитет помощи голодающим в

[21] Anarchistes en exil… P.413.

[22] G. Woodcock, I. Avakumovich. The Anarchist Prince: A Biographical Study of Peter Kropotkin. London, 1950. P.387.

[23] Anarchistes en exil… P.415–416.

России. «Я написал им, какие ужасы у нас, но должен был сказать: «Стыдно просить у вас. Кормите своих!»»[24]. Но уже в мае 1912 г. он приветствует начало нового революционного подъема в России: «А молодцы русские рабочие, – пишет Кропоткин Марии Корн. – Опять от них идет луч света в Темном царстве»[25].

Новая ситуация требовала быстрейшего сплочения анархистского движения и преодоления споров и дрязг, которые на протяжении многих лет раздирали российский анархизм. С 28 декабря 1913 по 1 января 1914 г. прошла первая объединительная конференция русских анархистов-коммунистов за границей. На ней была представлена и русская анархистская эмиграция в Лондоне, в том числе Александр Шапиро и еврейские рабочие-анархисты из Уайтчепеля. Было принято решение создать в Лондоне Секретариат Федерации русских групп анархистов-коммунистов за границей. В состав секретариата были включены жившие в Лондоне Шапиро и Петр Константинович и Бенцион Долин из Цюриха. Создавался также Издательский комитет. Кропоткин приветствовал сплочение анархистских сил. «Вы все очень умно распорядились, созвав Конференцию, и результаты, я надеюсь, она даст прекрасные», – писал он Марии Корн[26]. На 22–25 августа 1914 г. в Лондоне планировался созыв русского общеанархического съезда. Кропоткин отправлял статьи в образованную на конференции газету «Рабочий мир».

Несмотря на свой интерес к рабочему движению и революционному синдикализму, почти постоянно болевший теперь Кропоткин не смог присутствовать и на таком важном событии, как международный синдикалистский конгресс в сентябре – октябре 1913 г. в Лондоне, на котором было принято решение о создании международного объединения революционных профсоюзов. Важная организационная работа выпала на долю его тесного соратника Александра Шапиро. Мощные всеобщие стачки угольщиков и транспортников в Великобритании в последние предвоенные годы внушали оптимизм старому революционеру. В письме от января 1914 г. Кропоткин с восторгом рассказывал Марии Корн о том, как во время стачки возчиков угля и нехватки топлива в Лондоне буржуазная газета «Таймс» предложила, чтобы уголь продавал сам профсоюз рабочих-нагрузчиков, без хозяев и посредников. Он видел в этом дыхание времени, признак того, «до какой степени мысль в Англии начинает направляться в сторону перестройки теперешней капиталистической организации»[27].

Но над Европой уже сгущались тучи грядущей войны. Она разразилась всего через полгода, похоронив под собой революционный синдикализм, который, несмотря на провозглашаемый им антимилитаризм, ничего не смог сделать для проведения обещанной всеобщей забастовки протеста. Война помешала как созыву конгресса русских анархистов, так и проведению намечавшегося на август – сентябрь 1914 г. международного анархического конгресса в Лондоне.

Первая мировая война расколола как социалистическое, так и анархистское движения. Большинство анархистов заняли антивоенную позицию. Однако Кропоткин поступил вопреки ожиданиям многих из своих товарищей. Он отбросил прежний интернационализм и безоговорочно вставший на сторону одной из групп воюющих

[24] Anarchistes en exil… P.421.
[25] Anarchistes en exil… P.425.
[26] Anarchistes en exil… P.458.
[27] Anarchistes en exil… P.463.

держав – Антанты, сочтя именно германский империализм главным виновником войны и призвав к борьбе с ним до победного конца… Это сильно подорвало его авторитет среди анархистов. И если в международном движении и в эмиграции нашлись те, кто поддержал его позицию, как Мария Корн, и вместе с ним подписал в 1916 г. «декларацию 16-ти» (среди них были его старые друзья Жан Грав, Поль Реклю и Варлам Черкезов), то анархисты в самой России сочли Кропоткина отступником. Негативными были и реакция большинства анархистов зарубежных стран (как, например, Эррико Малатесты, Рудольфа Роккера, Эммы Гольдман и анархистов Испании), и отклики большей части русских анархистов-эмигрантов. Парижская группа заявила, что «не только не может отныне считать подписавших «Декларацию» лиц своими товарищами по борьбе, но вынуждена решительно относиться к ним как к хотя и бессознательным, но от этого не менее действительным ВРАГАМ РАБОЧЕГГО ДЕЛА»[28]. Представители Женевской группы, упомянув персонально Кропоткина, провозгласили: «Те, кто призывают народ к участию в войне, не могут быть ни анархистами, ни антимилитаристами… Они вырывают душу анархизма и бросают ее на растерзание служителям милитаризма. Мы же остаемся на старом посту»[29]. Даже близкий к Кропоткину Александр Шапиро не был согласен с его позицией.

Полемика по войне ожесточила старого и больного Кропоткина. Он все больше ощущал себя в изоляции. Прежнее дружелюбие по отношению к оппонентам исчезает. В его письмах и статьях появляются резкий тон и грубые нападки. Он даже не стесняется называть противников войны «нашими про-немцами», отдавая дань пропагандистской дихотомии в стиле «кто не с нами, тот против нас». Именно таким было его положение, когда до Англии докатилась новость о Февральской революции в России.

Назад – в революционную Россию

«… С первых дней, как революция стала известна, буквально жил в чаду интервью и телеграмм, которые приходилось рассылать в русские и американские газеты, не несколько слов, а столбцы, не говоря уже о десятках писем, отвеченных в сотне или более неотвеченных, назойливых интервьюеров («интервью» я отказывал, а диктовал, что нужно сказать) и т.п.», – писал он Марии Корн. Старый революционер засобирался в Россию. «Вчера уложено было уже 52 ящика книг. Осталось еще десятка полтора уложить, – продолжал он. – При этом ни от кого, конечно, никакой помощи, а мне 74, а Соне 60. Ящиков для укладки нет как нет, ни за какие деньги. Все бакалейные Брайтона обегал, клянчил ящики, натыкаясь на ужасно милых людей (а иногда на грубиянов). Но на нет и суда нет. Добудешь две дюжины ящиков, но без крышек! Прежней силы нет. Целую неделю плотника держал делать крышки: спасибо, добрый старичок нашелся»[30]. Пришлось еще ожидать решения русского консульства в Лондоне, которое занималось репатриацией эмигрантов.

Падение самодержавия побудило Кропоткина занять позиции так называемого «революционного оборончества». Он по-прежнему выступал за продолжение войны с Германией и Австро-Венгрией, но мотивировал это уже иначе – защитой

[28] Анархисты. Документы и материалы. Т.1. С.616.
[29] Там же. С.618.
[30] Anarchistes en exil… P.533.

завоеванной российской свободы. «Мужчины, женщины, дети России, спасите нашу страну и цивилизацию от черных сотен центральных империй!.. Противопоставьте им героический объединенный фронт», – призывал он в телеграмме, направленной в печатный орган партии кадетов, газету «Речь»[31]. Такие заявления не могли встретить понимания у российских анархистов, но были восторженно воспринято сторонниками войны. Партия кадетов отпечатала текст телеграммы Кропоткина в виде листовки и активно распространяла ее.

Наконец, 4 июня 1917 г. Кропоткины сели в шотландском порту Абердин на русский корабль «Аскольд», который взял курс на норвежский порт Берген. Из Норвегии они проследовали в Петроград, где им был устроена торжественная встреча. На железнодорожных станциях его ждал почетный караул с оркестром. В Белоострове Кропоткин принял в вагоне представителей общественных организаций и печати и долго говорил с ними о необходимости выиграть войну, пойти на жертвы и объединить общество, выражая готовность, несмотря на возраст и состояние здоровья, работать на благо новой России. Репортеры и друзья ехали вместе с ним до Петрограда в его купе 2 класса. В ночь на 14 июня (1 июня по старому стилю) на Финляндском вокзале Петра Алексеевича, вернувшегося в Россию после 42-летнего изгнания, встречала 60-тысячная толпа с флагами и цветами. Был выставлен почетный караул Семеновского полка с оркестром, игравшим «Марсельезу». Среди тех, кто приехал приветствовать «дедушку русской революции», были министры Временного правительства А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, М.И. Скобелев, Н.В. Некрасов, А.В. Пешехонов, член ЦК партии кадетов М.М. Винавер, лидер народных социалистов Николай Чайковский, представители трудовиков, эсеров, Исполкома Петроградского Совета, рабочих и военных организаций… «Почетный караул от семеновцев. Так и не добрался до него…, – записал Кропоткин в дневнике. – Когда я вышел, меня безусловно чуть не раздавили. Саша [дочь, – В.Д.] едва упросила оркестр семеновцев замолчать… Офицеры хотели нести меня на руках. Я отказался. Соню чуть не растоптали. Тогда 8 офицеров… схватясь руками, окружили меня кольцом… с невероятными усилиями пробивались сквозь колышащуюся толпу. Пробились не к караулу, а к зале, где меня ждали Керенский и несколько других министров и Н. В. Чайковский. Приветственные речи. Коротко ответил. В 3 часа ночи добрались до автомобиля»[32].

Анархистские группы встречать Кропоткина демонстративно не пришли.

Начались последние годы жизни Петра Алексеевича в охваченной революцией России. Поселившись в Петрограде в особняке, предоставленном ему посольством Нидерландов, он отказался от предложений Керенского, ставшего главой Временного правительства, войти в его состав или отправиться российским послом в Англию. Кропоткин выступает на митингах с призывами продолжать войну. Он надеялся на то, что все силы, выступавшие против самодержавия, преодолеют разногласия и станут трудиться сообща ради строительства нового. В августе 1917 г. он перебирается из Петрограда в Москву, собираясь остаться на зиму во «второй столице». 14[33] августа Кропоткин выступил на Государственном совещании, созванном

[31] Анархисты. Документы и материалы. Т.2. 1917–1935. М., 1999. С.29.
[32] Цитируется по: Н.М. Пирумова. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С.190–191.
[33] Anarchistes en exil… P.458.

Временным правительством в попытке добиться общественной поддержки. Вернувшийся в страну после стольких лет отсутствия и оказавшийся совершенно не в состоянии понять, что происходит вокруг, он он снова и снова повторял благостные слова о необходимости сплотиться, «уменьшить размеры назревающей братоубийственной гражданской войны» и приступить к строительству «новой жизни на новых, социалистических началах», при которых хозяйственные знания и умения предпринимателей-владельцев капиталов соединятся с «энергией демократических комитетов и советов». Кропоткин призывал объявить Россию демократической и федеративной республикой. Конечно, ему уважительно и вежливо аплодировали. Но каждая из политических сил понимала всю наивность таких оторванных от реальной жизни речей. Не приняло «нового» Кропоткина и российское анархистское движение. Издание харьковских анархистов «Хлеб и воля» даже назвало выступление на Государственном совещании «политической смертью» ветерана и откликнулось на него особым «некрологом»: «Тяжело было нам присутствовать при этой мучительной агонии. Но еще тяжелее было слышать его голос на московском совещании, где П.А. Кропоткин, как анархист, умер для нас окончательно (…) Посвятивший всю свою жизнь борьбе с государством, Кропоткин принял участие в государственном деле. Он старался лишить трудящихся их права на самоосвобождение и, забывая о шествующей социальной революции, убеждал совещание в том, что и после революции будут победители и побежденные, будут взимающие и платящие контрибуции. Указывавший всегда на гибельно-разрушительную работу власти, он защищал демократически-республиканский строй с крепким правительством, которое явно и тайно распоряжалось бы судьбою народа, укрепившего бы капитализм и толкавшего бы массы на новые и новые бойни во имя его процветания»[34].

Ожесточение кипевшей вокруг политической борьбы разочаровывало и огорчало Кропоткина. В начале сентября 1917 г. он снова заболел. А в ноябре ему пришлось испытать настоящие потрясения в дни вооруженных боев в Москве. В письме Марии Корн Кропоткин жаловался на «безнадежные» потрясения. Дом у Никитских ворот, где Кропоткины снимали две комнаты, находился неподалеку от площади, и стоявшие на ней строения обстреливались с обеих сторон: «Ружейные залпы, трескотня пулеметов, гул тяжелых орудий и вой гранат продолжались дней 5; нельзя было даже выйти во двор, не слыша свиста пуль… Соня жестоко страдала от рева каждого пушеч[ного] выстрела, а я – вы угадаете мои мысли…». Но, несмотря на это, уверял Петр Алексеевич, он «не терял надежды – и теперь не теряю – и работал сам по себе, в одиночку, и буду работать»[35].

Главное, что старался теперь предотвратить старый революционер – это концентрация власти в духе якобинской диктатуры. Для этого, полагал он, необходимы, в первую очередь, политическая децентрализация, федерализм и широкое развитие массовой самоорганизации, самодеятельности и самоуправления «снизу». Только они, по его мнению, и могли обеспечить дальнейшее развитие российской революции и способствовать – когда-нибудь в будущем – переходу к анархическому социальному строю.

---

[34] Хлеб и Воля. Орган Федерации анархистов г. Харькова. 16 (3) сентября 1917. №7. С.3–4.

[35] Anarchistes en exil… P.535.

В декабре 1917 г. Кропоткин выступил одним из организаторов Лиги федералистов и был избран ее председателем. Это объединение, в которое вошли деятели, придерживавшиеся различных политических убеждений, должно было заниматься пропагандой идей децентрализации и федерализма. Планировалось издание серии материалов, включая такие выпуски, как «Очерки федеративного движения в России», «Вопросы федеративного строительства» и «Организация Великороссии – центральной России». Сборники должны были освещать проблему с разных сторон – географической, этнографической, экономической, политической, исторической… К работе над этими трудами Кропоткин собирался привлечь видных представителей академической общественности, вне зависимости от их партийной принадлежности: эсера П.А. Сорокина, конституционных демократов С.А. Корфа и А.К. Дживелегова, украинского федералиста-демократа Б.А. Кистяковского, народного социалиста С.П. Мельгунова и других. Выступая на мероприятиях, которые устраивались Лигой, Петр Алексеевич обосновывал необходимость превращения бывшей Российской империи в федерацию самоуправляющихся территорий, поскольку «только путем федеративного договора и союза может установиться единение»[36] и только тогда люди «почувствуют полную свободу вырабатывать свои бытовые особенности и строить свою жизнь сообразно со своими стремлениями, физическими особенностями своей территории и со своим историческим прошлым»[37]. Призывая к перестройке страны на этих основаниях, он ссылался на мировой опыт федерализма, исторические традиции со времен Средневековья, огромные размеры территории России, разнообразие входящих в нее регионов и населяющих их народов, а также на федералистские идеи анархизма. Экономической основой такого общественного устройства он считал развитие хозяйственных связей «снизу», прежде всего, через учреждения развившегося в России мощного кооперативного движения. Но деятельность Лиги федералистов полностью противоречила политическому курсу новых большевистских властей, которые провозгласили «диктатуру пролетариата» и взяли курс на централизацию государства. «Ничего серьезного не могу делать: все так быстро меняется, – жаловался Кропоткин в письме экономисту С.П. Тюрину. – Начал было серьезную работу о социальной перестройке, ставшей вдвойне необходимой при демобилизации многомиллионных армий… Но при социал-демократическом методе самодержавного решения всех вопросов указами – помимо народного творчества, – все это, конечно ни к чему»[38].

Отношения Кропоткина с российским анархистским движением оставались сложными. Он помогал переизданию своих старых работ по анархизму, писал к ним актуальные предисловия и сочинил ряд новых брошюр и статей («Анархия и ее место в социалистической эволюции», «Что такое анархия?», «Идеал в революции», «Аграрный вопрос», «Политические права» и др.). Но в то же время он держался в стороне от всех существовавших анархистских групп и никогда не высказывал каких-либо

[36] Цитируется по: С.Ф. Ударцев. Кропоткин. М., 1989. С.69.

[37] Цитируется по: В.А. Маркин. Возвращение П.А. Кропоткина в Россию (1917–1921) // Петр Алексеевич Кропоткин. Под ред. И.И. Блауберг. М., 2012. С.21.

[38] Цитируется по: Г. Риттер. «Полиция не может быть строительницей новой жизни». П.А. Кропоткин и Октябрьская революция // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып.3. М., 2001. С.149–150.

суждений или оценок на их счет. Знаменитый командир украинских повстанцев, анархист Н.И. Махно вспоминал: когда он в начале 1918 г. навестил Кропоткина в Москве, тот заинтересованно обсудил с ним проблемы борьбы крестьянства Украины, в том числе, сопротивления германско-австрийским оккупационным войскам, но «категорически отказался» давать какие-либо советы[39]. Впоследствии махновцы посылали старому революционеру продовольственные посылки из Украины…

В июле 1918 г. Кропоткины переехали из Москвы в подмосковный город Дмитров, где было легче прокормить семью. Граф М.А. Олсуфьев продал им деревянный дом на бывшей Дворянской улице (в советские годы именовалась Советской, в настоящее время – Кропоткинской). На приусадебном участке при доме, с разрешения местных властей, был разбит огород; Петр Алексеевич и Софья Григорьевна держали корову. Их снабжали дровами и сеном. Все это помогало старикам выжить в голодных условиях гражданской войны. Дом Кропоткиных в Дмитрове сохранился до сих пор, хотя и в измененном виде. В 2014 г. в здании был открыт мемориальный дом-музей П.А. Кропоткина.

Поселившись в Дмитрове, Кропоткин активно участвует в местной общественной жизни. Он помогает организовать краеведческий музей и перестроить народное образование. И, конечно же, живо интересуется работой кооперативного движения, с которым связывал представление о прогрессивном развитии России. Кооперативы были для него одной из форм народной низовой самоорганизации, которая могла позволить наладить существование общества без государства. Одновременно Петр Алексеевич не оставляет научные и теоретические изыскания. Он составил проспект книги об озерном и ледниковом периоде, участвует в подготовке переиздания своих работ. Но при этом отказывается от предложения большевистского правительства издать свои сочинения в государственном издательстве и за государственный счет…

На что надеялся старый анархист в эти бурные годы? Об этом он сам высказался в написанном в июне 1919 г. предисловии к переизданию своей книги об анархокоммунизме – «Хлеба и воли». «… У нас, в России, вот уже второй год происходит попытка в великих размерах перестроить всю хозяйственную жизнь полутораста-миллионного народа на коммунистических началах», – писал Кропоткин. И тут же предостерегал: такое начинание может иметь успех только в том случае, если его будет производить не власть, а сам народ: «… крупные ошибки, сделанные в этой попытке, вследствие государственного, централизованного характера, приданного перестройке, – сами эти ошибки показывают, как необходимо было давно заняться изучением условий, при которых возможен был бы действительный, *живучий* переход от капиталистического производства к общественному». Тогда он «мог бы совершиться без той разрухи страданий, болезней, безумной траты сил, развития худших инстинктов наживы и т.д., которые мы переживаем теперь»[40]. Более чем когда-либо Кропоткин обращает внимание на то, что революция – это не столько разрушение, сколько, прежде всего, создание новых отношений между людьми, на основе солидарности и взаимопомощи, новых форм жизни и хозяйства, которые

[39] Н. Махно. Воспоминания. М., 1992. С.149.

[40] П.А. Кропоткин. Предисловие к новому изданию [«Хлеба и воли»] // П.А. Кропоткин. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. С.14, 15.

и позволят обходиться без государства, – кооперативов и рабочих союзов. В новом издании «Хлеба и воли» он снабдил слова П.-Ж. Прудона «разрушая, мы будем создавать» таким примечанием: «Теперь, когда мы видим из опыта, как трудно бывает «создавать», заранее не обдумавши весьма тщательно на основании изучения общественной жизни, *что* и *как* мы хотим создать, – приходится отказаться от изречения предполагаемого творца и хозяина природы, и сказать – «создавая, разрушу»»[41]. Неудивительно, что в эти последние годы жизни Петр Алексеевич работает над трудом, который ему, увы, так и не суждено было закончить – вторым томом книги «Этика»...

Несмотря на трудности жизни в России, Кропоткин отклонил предложения шведских младосоциалистов об эмиграции в Скандинавию и опровергал появлявшиеся слухи о своем аресте. Он продолжал защищать российскую революцию и в открытом письме Г. Брандесу, опубликованном в сентябре 1918 г. в датской газете «Политикен», резко осудил иностранную военную интервенцию, которая, как он опасался, привела бы только к торжеству ультранационалистической монархии. Но централизаторская политика и террор большевистских властей чем дальше, тем больше беспокоили Кропоткина. Он неоднократно пытался убеждать новых лидеров страны отказаться от того, что он считал пагубным курсом. В сентябре 1918 г., под впечатлением развернувшегося «красного террора» и, в частности, получив письмо от жены арестованного бывшего министра Временного правительства инженера П.А. Пальчинского, которому угрожала казнь, Кропоткин написал письмо председателю Совнаркома В.И. Ленину, прося его о встрече[42]. Ссылаясь на опыт Великой французской революции, он предостерегал от разрушительных последствий «красного террора» и всевластия ЧК: «В русском народе, – писал он, – большой запас творческих, построительных сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложенные на него террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции... Открыть эру «красного террора» – значит признать бессилие революции идти далее по намеченному ею пути...»[43]. Некоторые историки полагают, что Кропоткину тогда удалось встретиться с Лениным и, возможно, повлиять на некоторое смягчение государственных репрессий...

В апреле 1919 г. управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич, по поручению В.И. Ленина, пригласил Кропоткина в Москву для встречи. Беседа старого анархиста и главы правительства состоялась 3 мая на кремлевской квартире Бонч-Бруевича. Ветеран-революционер попытался доказать лидеру большевистского правительства, что ради торжества революции следует отказаться от террора и ориентации на разрушение и перейти к созидательной работе. При этом необходимо дать свободу и простор для развития новых, безвластных отношений, которые повсюду

[41] П.А. Кропоткин. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. С.187.

[42] См.: Я.В. Леонтьев. Кропоткин как правозащитник // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений»... С.131–132.

[43] Цитируется по: В.А. Маркин. Возвращение П.А. Кропоткина в Россию... С.18–19.

распространяются в ходе революции, поощрять кооперативное движение, обеспечить развитие свободных профсоюзов… Призывы Кропоткина не нашли понимания у вождя большевиков, который заявил своему собеседнику, что применение властью насильственных методов оправдано в условиях гражданской войны, и «в белых перчатках не сделаешь революцию». «Вот, живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении», – сказал Бонч-Бруевичу председатель Совнаркома, распрощавшись с Кропоткиным[44].

Тогда же, в мае 1919 г. Петр Алексеевич встретился в Москве с представителями созданной незадолго до этого Всероссийской федерации анархической молодежи (ВФАМ). Он заявил им, что «средства, избранные Советской властью для осуществления своих хороших целей, были и есть самые скверные», и «путь большевиков приведет нас к ужасной реакции». Кропоткин призвал «снизу творить революцию и строительство новой жизни, а не сверху»[45]. В июле участники съезда молодых анархистов в Москве были арестованы и направили Петру Алексеевичу из тюрьмы ВЧК на Лубянке письмо с просьбой о помощи. Репрессии нарастали. В марте 1920 г. Кропоткин написал Ленину жесткие строки: «Если бы даже диктатура партии была бы подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем сильно сомневаюсь), то для создания *нового социалистического строя* она безусловно вредна… Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени… Если же теперешнее положение продлится, то само слово «социализм» обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев»[46]. Революционер-анархист опасался, что принудительный коллективизм большевиков настолько дискредитирует любой коллективизм вообще, что на смену ему придет самый бешеный и необузданный эгоизм. Десятилетия спустя жители современной России могут лишь изумляться беспощадной точности его пророчества.

Последний год

Живя в Дмитрове, Петр Алексеевич был в значительной мере изолирован от внешнего мира. Лишь изредка до него удавалось добираться друзьям. В марте 1920 г. повидаться с ним в Дмитров приехали британский газетный издатель Джордж Лэнсбери и один из его репортеров. Их сопровождали высланные в Россию американские анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман, а также Александр Шапиро, который продолжал поддерживать с Кропоткиным более или менее регулярные контакты. Чтобы не волновать старика, который выглядел больным и усталым, но все равно как будто светился, Гольдман и Беркман решил не напоминать ему о разногласиях в оценках Первой мировой войны. Они говорили, в первую очередь, о положении в России, и Кропоткин, старавшийся выражаться с осторожностью, сказал собеседникам знаменательные слова: большевики продемонстрировали, «как *не* следует делать революцию»[47]. Затем Эмма попросила Софью Григорьевну и Беркмана занять

[44] В.Д. Бонч-Бруевич. Памяти П.А. Кропоткина // Ленин. Человек – мыслитель – революционер. М., 2014. С.35.

[45] Цитируется по: Я.В. Леонтьев. Кропоткин как правозащитник. С.134.

[46] Цитируется по: Г. Риттер. «Полиция не может быть строительницей новой жизни». С.156.

[47] A. Berkman. The Bolshevik Myth (Diary 1920–1922). London; Winchester, 1989. P.75.

английских гостей и поговорила с Кропоткиным наедине, по-русски. В ходе этого разговора тот с большей откровенностью высказал свое мнение о российской революции. По его словам, она открыла дорогу для глубоких социальных преобразований, но натолкнулась на препятствия в виде большевистской диктатуры. Большевики, говорил он, пришли к власти на волне революции, перехватив лозунги масс и завоевав их доверие, но затем подчинили революцию интересам своей партийной диктатуры и парализовали всякую общественную инициативу снизу. Он рассказывал о помехах для кооперативного движения, всеобщей депрессии, преследованиях, подавлении всякого инакомыслия, нужде и страданиях народа, сетуя на то, что большевики дискредитируют социализм и коммунизм в глазах народных масс. Взывать к правительству бесполезно. то, что марксизм приведет к таким последствиям, анархисты знали всегда.

Эмма Гольдман спросила Петра Алексеевича, почему он не высказывается публично против злоупотреблений власти. На это тот отвечал, что, во-первых, в России не существует возможности свободно говорить и писать, а, во-вторых, он не считает возможным делать это в условиях, когда на Россию ополчились объединенные силы европейских империалистов[48]…

1920-й, последний год жизни Кропоткина, стал для него «годом визитов». В дмитровском доме гостят родственники анархистов Александра Шапиро и Александра Атабекяна. В июле к Петру Алексеевичу снова приехали Гольдман и Беркман. Старик выглядел бодрее и лучше, чем в марте, в его глазах блестели искры жизни. В солнечном свете и тепле дом и сад выглядели идиллически. «С большой гордостью Петр говорил о садоводческих навыках своей подруги и своих собственных, – вспоминала Эмма. – Взяв Сашу [Беркмана] и меня под руки, он с мальчишеским восторгом подвел нас к грядке, где Софья выращивала особый сорт латука. Ей удалось вырастить его размером с капусту; листья были хрустящими и сочными. Он тоже копался в земле, повторял он, но именно Софья была настоящим экспертом в этом деле. Ее урожай картофеля минувшей зимой был настолько велик, что оставалось достаточно для того, чтобы обменять его на корм для коровы и даже поделиться с соседями по Дмитрову, у которых было мало овощей. Наш дорогой Петр резвился в своем саду и говорил об этих вещах так, как будто это были мировые события». Но вечером он «снова превратился в ученого и мыслителя, ясного и проникновенного в своих суждениях о личностях и событиях». Кропоткин снова говорил о диктаторской натуре большевизма и о растущей пропасти между революцией и установленным режимом. Большевиков ждет превращение в иезуитов революции, которые руководствуются принципом «цель оправдывает средства». Но российская революция глубже, чем была французская, и из нее необходимо извлечь уроки. Один из них состоит в необходимости глубже проанализировать важнейшие элементы социальной революции. «Основной фактор в такого рода перевороте – это организация экономической жизни страны. Русская революция доказала, что мы должны быть подготовлены к этому. Он [Кропоткин] пришел к заключению, что синдикализм мог дать то, чего больше всего не хватало в России: русло, по которому могло бы протекать промышленное и экономическое развитие страны. Он сослался на анархо-синдикализм, указав, что

[48] E. Goldman. Niedergang der russischen Revolution. Berlin, 1987. S.73–75.

такая система, при помощи кооперативов, могла бы уберечь будущие революции от фатальных ошибок и напрасных страданий, через какие прошла Россия»[49].

Российская революция и негативный опыт большевиков должны стать уроком для трудящихся всего мира, неоднократно повторял Кропоткин представителям европейских левых движений, которые приезжали в Москву по приглашению большевистских властей, но считали своим долгом посетить «дмитровского отшельника». Немецкому анархо-синдикалисту Аугустину Сухи, добравшемуся до Дмитрова с рекомендательным письмом Р. Роккера и проведшему у Кропоткиных неделю, Петр Алексеевич рассказывал о параличе Советов под давлением правящей партии, о том, что страна все дальше и дальше удаляется от изначальных революционных целей свободы, равенства и братства. России необходимы автономные местные Советы, объединяющиеся снизу в федерации вольных городов, Советов общин и союзов, говорил он, пояснив, что обсуждал это с Лениным, но не нашел понимания[50]. Делегации британских лейбористов, которая посетила его летом 1920 года, Кропоткин передал знаменитое «Письмо к западноевропейским рабочим». Вновь осудив интервенцию иностранных держав против русской революции и отдав должное антикапиталистическим преобразованиям и «величайшей идее» Советов, он одновременно резко высказался против партийной диктатуры и господства бюрократии и призвал европейских трудящихся учиться на печальном опыте России: «На этом пути *не* завершить дела революции, она становится неосуществимой. Вот почему я считаю своей обязанностью честно предостеречь вас от такого образа действий». Рабочим Запада следует «всеми способами избежать этого, чтобы обеспечить успех социалистического переустройства».

Кропоткин все еще надеется на революцию в Европе и развитие мирового анархо-синдикалистского движения. В том же письме он возвращается к своей старой идее: «нужно возродить идею великого Интернационала всех трудящихся мира, — но не в виде союза, руководимого одной партией, как это было во Втором Интернационале и вновь происходит в Третьем. Такие союзы, конечно, имеют полное право на существование; но помимо них должен существовать общий для них всех Союз всех тред-юнионов мира, объединяющий всех тех, кто создает общественное богатство, с целью освобождения производства от его теперешнего порабощения капиталом»[51]. Эту же мысль Петр Алексеевич настойчиво повторяет в переписке с другими анархистам. В письме к Атабекяну в мае 1920 г. он выражал уверенность в том, что профсоюзное движение в течение ближайших 50 лет станет настолько мощной силой, что сможет двигаться к безгосударственному коммунистическому обществу. Если бы он сейчас находился во Франции, то с головой окунулся бы в это движение – движение Первого Интернационала[52]. Кропоткин разработал план возрождения анархизма с опорой на анархо-синдикалистское профсоюзное движение и намеревался обсудить его с Шапиро: «Чего я особенно желал бы, это то, чтобы 3–4 из

[49] E. Goldman. Living my life. Vol.II. New York, 1981. P.863–864.

[50] A. Souchy. «Vorsicht: Anarchist!» Ein Leben für Freiheit. Politische Erinnerungen. Grafenau, 1985. S.47–48.

[51] Вопросы философии. 1991. №11. С.44–45.

[52] Цитируется по: M. Nettlau. Eine Arbeiterinternationale in Kropotkins Auffassung // Die Internationale. Berlin, 1932. Heft 5. Mai. S.119–120.

нас повидались бы с заграничными друзьями и синдикалистами и, выработав с ними самую общую программу, с нею уже в руках взялись бы за организационную работу в России. С целью и с ясным представлением о грандиозности задачи: создать такой же Интернационал – анархический, крестьянско-рабочий, с такими же широкими целями, на основе повседневной борьбы с Капиталом, какой наши предшественники начали создавать в [18]60-х годах из разношерстных элементов, уцелевших после разгрома 1848 г., и радикалов, находившихся под его влиянием»[53]. Стоит отметить, что через несколько лет Александр Шапиро сыграл важнейшую роль в создании анархо-синдикалистского Интернационала – Международной ассоциации трудящихся…

Чем дальше, тем все более отчаянной становилась в глазах Кропоткина ситуация в России. В ноябре 1920 г. он стал свидетелем разгрома кооперативного движения в Дмитрове – вскоре после своего выступления на съезде уполномоченных местных кооперативов. Без объяснения причин дмитровских кооператоров и сотрудников краеведческого музея, включая секретаря Анну Шаховскую, арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Кропоткин вновь пишет Ленину, требуя освободить арестованных, прекратить подавление кооперативного движения и отказаться от позорной практики взятия заложников, которых намечалось расстреливать в случае покушений на представителей власти. Такие меры, по словам старого революционера, представляли «возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн». «Как же могут проповедники новой жизни и строители новой общественности прибегать к такому орудию для защиты от врагов? – возмущался он. – Не будет ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся, и спасете – уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя?»[54]

Часть арестованных была отпущена, но для Кропоткина очередная волна репрессий стала последним и роковым потрясением. 23 ноября 1920 г., глубоко взволнованный и расстроенный, под впечатлением нервных разговоров с женой и дочерью, он пишет свое политическое завещание – текст «Что же делать?». Оценив российскую революцию как «стихийный переворот», «тайфун» и катастрофу, которая могла принести как разрушение, так и обновление, он окончательно приходит к безнадежному выводу – выводу о поражении: «Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили. Но не успели достаточно подготовить». Сопротивляться стихии бесполезно, но следует признать: русская революция «творит ужасы. Она разоряет страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей… И мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того, как она изживет себя… Тогда – роковым образом придет реакция». Все, что можно сделать в сложившейся ситуации – «это направить наши усилия, чтобы уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции». Революционер Кропоткин остался самим собой: даже в момент тяжелейшего отчаяния он не терял веры в конечное торжество своего дела, несмотря на все пережитые и грядущие испытания: «Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться построительной работой среди каждой из своих партий,

[53] См.: Письма П.А. Кропоткина М.И. Гольдсмит, А.А. Боровому и А. Шапиро // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Выпуск 1. М., 1992. С.193.

[54] Цитируется по: Г. Риттер. «Полиция не может быть строительницей новой жизни». С.157.

после того, как революция изживет свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не съеденных самолюбием работников-анархистов»[55].

Читая вслух текст «Что же делать?», он, как вспоминала дочь Кропоткина Александра, «был сильно взволнован, и голос его дрожал… Его глубокая и активная любовь ко всему человечеству сделала крайне мучительным для него переживание чужих страданий, которых он не был в силах не облегчить, ни предупредить. Неизбежность развития революции, шедшей с первых же шагов по ложному пути и ведущему лишь к поражению и реакции, была для его трезвого ума трагическим испытанием…»[56].

Петр Алексеевич выражал намерение, если это еще будет в его силах, помочь этому делу собирания «людей для общего дела». Но силы его уже были подорваны окончательно. В январе 1921 г. он тяжело заболел воспалением легких. Состояние больного быстро ухудшалось, и в ночь на 8 февраля его не стало… Эмма Гольдман и Александр Беркман так и не успели навестить умирающего. Только Александр Атабекян до конца сидел у его постели…

На похороны Кропоткина в Москве собрались многие десятки тысяч людей. Среди них были и анархисты под черными знаменами, в том числе те, кого по такому случаю власти согласились временно выпустить из тюрем – это было последнее легальное выступление анархизма в Советской России. Вскоре последовал разгром Кронштадского восстания и новая, еще более мощная волна репрессий… Смерть Кропоткина и падение восставшего Кронштадта не случайно стали теми символами, что возвестили конец Великой российской революции.

[55] П.А. Кропоткин. Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Выпуск 1. С.196–198.

[56] Цитируется по: В.А. Маркин. Возвращение П.А. Кропоткина в Россию… С.26.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Вадим Дамье
Пётр Кропоткин: судьба революционера
2018

Скопировано 2018-09-21 с http://www.aitrus.info/node/5151
В сокращенном виде опубликовано в качестве предисловия к книге: Петр Кропоткин. Записки революционера. М.: ПРОЗАиК, 2018. С.5-34.

ru.theanarchistlibrary.org